
КОНСТИТУЦИОННАЯ МИФОЛОГИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ (ЧАСТЬ 1)

© 2018 г. И. Н. Барциц

*Институт государственной службы и управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Поступила в редакцию 26.06.2018 г.

Статья посвящена раскрытию сущности, содержания и предназначения конституционных мифов и иллюзий как несущих конструкций конституционного строя, государственного устройства и политического режима. Особое внимание уделено анализу отдельных конституционных мифов и иллюзий, в частности доктрины народного суверенитета, концепта общественного договора, всенародного референдума, ценностей разделения властей, открытости правительства и т.д. и практики их реализации на примере конституций таких стран, как Россия, Китай, США, Франция, Венесуэла, Казахстан, Армения, Украина и др. Выявлены основные отличия конституционных мифов от конституционных иллюзий, в частности, истоки формирования, значимость в конституционной идеологии, противоположная временная направленность и т.д. Обоснован вывод о прагматичности и исключительно политической сфокусированности современной конституционной доктрины, направленной на решение утилитарных политических задач, не позволяющей сформировать условия для возникновения новых мифов и предполагающей истощение конституционных иллюзий в современную эпоху.

Ключевые слова: конституция, конституционные мифы, конституционные иллюзии, общественный договор, народовластие.

DOI: 10.31857/S013207690002200-2

*Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон...
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.*

А.С. Пушкин. Ода “Вольность” (1817)

*А сын Авром-Мойши уже, наверное, в Америке, увидишь его, кланяйся
и скажи, что отец у него молодец: умер, не дождавшись конституции!
А наш Мотл вообще пропал, никто не знает, где он...
Многие у нас таким образом исчезли... Одни бежали, другие убиты,
третьи по тюрьмам отдыхают, гуляют по сибирским снегам,*

*работают, прикованные к тачке... И все им нипочем!
Заупрямился народ: раз навсегда — конституцию, и никаких гвоздей!..
Больше новостей нет. Будь здоров и кланяйся
сердечно каждому в отдельности. В Америку я не собираюсь.
Не нравится мне твоя Америка!
Страна, в которой газета называется “пейпер”,
в которой Блюма превращается в Дженни,
а жених оказывается троюбенцем, — из такой страны,
прости меня, бежать надо! Из твоего письма я вижу,
что, будь у нас настоящая конституция, как мы понимаем, —
нам бы никакой Америки не надо было!
Тогда бы у нас была “Америка” получше, чем у вас...
Не горюй, Янкл, — такой бы кусок золота мне и такую бы болячку Крушевану,
какую конституцию мы еще, даст господь, будем иметь!..
Твой друг Исроел*

*Шолом-Алейхем. Из поздравительного письма к Новому году
от портного с родины — другу в Америку (1907)*

Позитивное содержание и предназначение “мифов” и “иллюзий”

Принципиальным для раскрытия понятий “мифы” и “иллюзии” применительно к конституционно-правовой материи является подход, что в них нет негативного контекста безосновательных фантазий или надежд. В отличие от трактовки, свойственной применению этих понятий за пределами гуманитарного знания, они не сводятся к декларативности и фиктивности феноменов, ставших подобными мифами и иллюзиями. Позитивное отношение к конституционным мифам и конституционным иллюзиям исходит из понимания, что они совсем необязательно противоречат правде и реальности. И даже когда социальным наукам и правоведению приходится признать необоснованность мифов и иллюзий, нередко отмечается их позитивная роль для государства и права. В отличие от негативного подхода, продемонстрированного С. Гуриевым при выборе эпиграфом книги “Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики”¹ цитаты Дж.Ф. Кеннеди: “*Величайший враг правды зачастую не ложь — преднамеренная, запутанная и бесчестная, — а миф — настойчивый, убедительный и нереалистичный*”², следует начать изложение вопроса с позиции Г. Тю-

дора, предусматривающего «избавление от широко распространенного, но вводящего в заблуждение предубеждения. В общем использовании термин “миф” означает любую веру в то, что не имеет никакого основания на самом деле. Миф, как нам говорят, — вымысел или иллюзия, больше продукт фантазии и желаемого мышления, чем результат серьезной попытки понять мир, в котором мы живем; и политические мифы — это просто выдумки или иллюзии по политическим вопросам. Нет ничего неправильного использовать термин в этом популярном смысле — при условии, что он используется как ругательство и без претензий на научность»³.

Сведение понятия мифа к сказке относит нас в детство, когда понимание мифа сводилось к жизнеописаниям олимпийских богов в классической для многих поколений советских и российских подростков версии Н. Куна. За пределами сказки даже греческие мифы являются историческим источником, пусть и представленным в художественной форме, со свойственными художественным произведениям преувеличениями и фантазиями. Внедряясь в политическую жизнь, мифы (будь то миф о взятии Бастилии или Зимнего дворца, об отцах-основателях американской мечты или об арийском происхождении) несут в себе огромную созидательную или сокрушительную силу.

Среди различных мифов политического характера свое законное место занимают мифы,

¹ См.: Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е изд., переработ. М., 2010. С. 19.

² President John F. Kennedy. Commencement Address At Yale University, New Haven, Connecticut, June 11, 1962 // Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, 1962. P. 234.

³ Tudor H. Political Myth. Macmillan Education, 1972. P. 13.

возникновение которых обусловлено зарождением конституционной доктрины, распространение — развитием конституционной мысли в философии и конституционно-правового регулирования на практике.

Профессор Университета Монпелье А. Марсиано (*Alain Marciano*) абсолютно верно выводит причину более или менее слаженного функционирования человеческого общества из того обстоятельства, что составляющие его индивиды разделяют общие представления о своем происхождении, принципах своего существования, а также о том, как организовано их взаимодействие. Такие убеждения являются фундаментальными, их также называют мифами. Подобные мифы позволяют обществу существовать, их важность заключается не в том, что они правдивы или точны, а в том, что они создают инерцию в обществе. Среди социальных институтов, порождающих мифы, конституции занимают значимое место, поскольку определенным образом формируют общество⁴.

Если чем-то можно оправдать отрицание величия конституционных мифов и иллюзий, так только тем, что сами они утверждались в жестком отрицании и даже уничтожении системы мифов и иллюзий доконституционной эры. Самая возвышенная теория современного конституционализма — теория народного суверенитета — при своем появлении преследовала вполне практические политические цели, отвергла тысячелетнюю веру в божественное происхождение власти, в подтверждение чему отправила на гильотину Людовика XVI с супругой.

Изучение социальных и политических мифов в советское время сводилось преимущественно к критике буржуазной мифологии, а также к защите собственных взглядов от критики буржуазных авторов. «Склонность к мифотворчеству оценивалась как перманентное свойство буржуазной идеологии, как способ решения ее высшей задачи — замаскировать существо классовых отношений в “мире капитала”»⁵. Следовательно, авторы большинства исследований своей главной задачей ставили развенчание буржуазных мифов. В то же время вполне закономерно, что

конституционная идеология любого общества при любом социально-экономическом строе содержит элементы мифологии.

Действительно, мифы можно и иногда нужно опровергать, носителей иллюзий можно и иногда нужно заставлять внимательнее присмотреться к фактам окружающей действительности. Однако при обращении с конституционными мифами и иллюзиями проводить подобные акции нужно чрезвычайно осмотрительно. Превращаясь в конституционные мифы и иллюзии, эти явления становятся элементом социальной психологии, нередко несущими конструкциями конституционного строя, государственного устройства, политического режима, в расшатывании которых вряд ли заинтересованы патристически ориентированные исследователи. Ведь “миф, — утверждали К. Фридрих и З. Бжезинский, — это, как правило, сказка, имеющая дело с прошедшими событиями, придавая им особый смысл и значение в настоящее время и тем самым укрепляя авторитет тех, кто обладает властью в определенном сообществе”⁶.

Конституционные мифы и иллюзии — продукт, вырабатываемый политической и интеллектуальной элитами. Доказать опытным путем правдивость конституционных мифов и тем более истинность конституционных иллюзий невозможно, поэтому приходится в очередной раз воспользоваться уловкой агностицизма. Каждый из размышляющих сам решает, верить или нет в их соответствие действительности. Сама невозможность познания их наличия и содержания (в случае наличия такового) — первый довод в обоснование элитарного происхождения. Небреженному поисками сущностей, содержания индивиду нет ни дела, ни времени, ни желания до изысканий подобного рода. Лишь не без высокомерия взирающему сверху на человеческий рой и движения масс придет в голову вычленив некие общие для конкретной нации и группы людей наборы ценностей и символов. Если конституционные мифы появляются, то по аналогии с родословной звезд из стихотворения В.В. Маяковского “Послушайте!”, “значит — это кому-нибудь нужно? Значит — кто-то хочет, чтобы они были? Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной?”⁷.

Впрочем, элитарное происхождение конституционных мифов не только не избавляет от

⁴ См.: *Marciano A. Introduction: Constitutional Myths // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / ed. by A. Marciano. New York, 2011. P. 1, 2.*

⁵ *Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А.И. Демидова. М., 2005. С. 57.*

⁶ *Friedrich C.J., Brzezinski Z.L. Totalitarian dictatorship and autocracy. New York, 1961. P. 99.*

⁷ *Маяковский В.В. Послушайте! (сборник). М., 2014. С. 1.*

опасности их оторванности от реалий общественной жизни, но, напротив, предполагает таковую. Среди причин подобной оторванности М.А. Краснов справедливо выделяет то обстоятельство, что «интеллектуальная элита, одна из главных задач которой — насыщение общества новыми идеями, осмысление их и т.д., не заботится о том, чтобы по крайней мере не повторять замшелых мифов, — вероятно, потому, что не дает себе труда учитывать исторический контекст их появления либо просто заглянуть в первоисточники...»⁸.

Содержательное наполнение мифа «во все времена и во всех культурах в символе-иероглифе описывает объем знаний, превышающих возможности общедоступного рационального усвоения. Архетип становится тем кодом, который позволяет расшифровать иероглиф, а при наличии хранящей «связку ключей» жреческой элиты (или просвещенной политической элиты) — развернуть из него всю спрятанную систему знаний», — утверждает М.В. Борисенко⁹, придавая мифу роль не лживого предания, но культурного кода, позволяющего лучше понять различные элементы государства и общества, объяснить различные политические и культурные феномены.

Поэтому конституционные иллюзии и мифы зачастую тесно связаны с народной мифологией. Например, широко прижившиеся в народном сознании концепции «народной воли» и «народной мудрости» (чем не «народный суверенитет»?!) органично сочетаются с былинными подходами о «добром царе-мученике» и «плохих боярах» (чем не основа для модели разделения властей с сильной президентской властью?!).

«Мифы сохраняют и передают парадигмы — образцы, в подражание им осуществляется вся совокупность действий, за которые человек берет на себя ответственность», — так М. Элиаде раскрывает свое понимание мифа как «священной истории»¹⁰. Объяснима взаимосвязь конституционных мифов с конституционными иллюзиями: анализ имеющихся в обществе мифов позволяет оправдать присут-

ствие в нем иллюзий, а в практическом смысле — представить с большей долей успешности рекомендации по совершенствованию политического режима.

Самым известным и ярким мифом Французской революции является легенда о взятии Бастилии. «Осада и взятие Бастилии — одно из грандиознейших событий в истории человечества. Оно имело огромное значение в глазах не только современников, но и последующих поколений. Взятие Бастилии сделалось символом всякого достигнутого революционным путём политического освобождения, самое слово «Бастилия» стало нарицательным», — и сегодня мы можем подписаться под словами выдающегося советского историка Е.А. Тарле¹¹, который и в описании всего действия остался верным принципам героизма людей, рисквавших своими жизнями ради свержения тирании. С несущественными для мировой истории нестыковками — ветхость сооружения (400 лет), вследствие чего оно практически не использовалось, сомнительная боеспособность гарнизона, количество заключенных (семь человек) — пусть разбираются дотошные собиратели фактов. Для мировой истории несравненно важнее, что символ всевластия королей был снесен, а на образовавшемся по революционной воле пустыре поставили табличку с надписью «*Désormais ici on dansent*» («Отныне здесь танцуют»).

Ярким примером «героической маскировки» в отечественной истории стало отражение в советском искусстве (прежде всего в кино и литературе) «Великой Октябрьской социалистической революции». Так, несмотря на многочисленные исторические допущения и прямые несоответствия реальным событиям, немой художественный фильм С. Эйзенштейна «Октябрь» (1927) воспринимается как документальная хроника. Во время создания подобные несоответствия считались авторским взглядом и объяснялись необходимостью использования новаторских и символических изобразительных приемов. Но в эпоху гаджетов и селфи практически невозможно отстоять исторический факт, что самый известный эпизод фильма, в котором матрос взбирается на решётку Главных ворот Зимнего дворца, где заседало Временное правительство, бросает пару гранат на головы защищающихся и громко кричит: «Вперёд!», по-

⁸ Краснов М. Конституция в нашей жизни // Proet Contra. 2007. № 4-5 (38). Июль-октябрь. С. 31.

⁹ См.: Борисенко М.В. Роль политической мифологии в современной политике // Вестник МГУ. Сер. «Социология». 2002. № 3. С. 26.

¹⁰ Элиаде М. Космос и история. Избр. работы / пер. с фр. и англ. М., 1987. С. 30.

¹¹ См.: Тарле Е.В. Взятие Бастилии // Тарле Е.В. Соч. Т. VI. М., 1959. С. 647–658. Статья написана в 1939 г. к 150-летию юбилею Великой французской революции.

сле чего кованые ворота распахиваются, и многочисленная толпа штурмующих сбрасывает двуглавых орлов и короны, проникает вначале в Большой двор, а затем и во дворец — не более чем стремление в символической форме показать преодоление старого строя.

Даже если исходить из версии, что штурм Зимнего дворца имел место (историки пока не пришли к согласию по данному вопросу), перелезть через ворота не было никакой необходимости: рядом с Главными воротами находится Октябрьская лестница (ранее она называлась Ее императорского Величества), кратчайшим путем непосредственно выводящая на Дворцовую площадь. Проблема заключалась совершенно в другом: узкие, по мнению Эйзенштейна, ступеньки Октябрьской лестницы не позволяли продемонстрировать на экране мощь революционного потока. Что же до двуглавых орлов, они были демонтированы с Главных ворот распоряжением А.Ф. Керенского после объявления 1 сентября 1917 г. России республикой.

Приведенные факты мифологизации двух величайших революций мировой истории ни в коей мере не умаляют их значения, их достижений, порожденных ими иллюзий. Вне контекста реального состояния Бастилии или масштабности залпа крейсера “Аврора” эти революции не только реформировали фактические конституции (соотношения сил) в самих претерпевших их государствах, но и в полной мере выполнив роль “локомотивов истории”¹², изменили ее ход. Еще в 1905 г., предвкусывая первую русскую революцию, не зная и, надеясь, не предполагая всех губительных последствий для России и, конечно же, не представляя всего масштаба трагедии, к которой приведет вторая русская революция, В.И. Ульянов (Ленин) настаивал: “Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса с точки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее”¹³.

Для благосостояния и душевного комфорта общества важен не размер и масштаб лжи (идеологического сопровождения), которой политические и интеллектуальные элиты закрепляют свою роль “властителей дум”, а способность этих элит выбрать в качестве такового сопровождения тот перечень идей, мифов, легенд, ценностей, который приведет народ к искомому благосостоянию и душевному общественному комфорту. При этом для достижения общественного комфорта совсем необязательно, а нередко и противопоказано следование исторической правде.

“В чем мы ошибаемся и как правильно это делать”¹⁴

Общественные мифы играли различные роли на протяжении истории. Еще, к примеру, Платон писал о благородной лжи для обеспечения упорядоченного и справедливого общества¹⁵. Как и полагается обладателям первой Конституции, бесспорными лидерами по части создания и распространения конституционных мифов являются представители американской конституционной доктрины. Причем мифом считается сама характеристика “отцы-основатели Конституции”. Признавая мифический характер многих элементов своей конституционной доктрины, они, тем не менее, не только ими гордятся, но и инсценируют, как правильно следует заблуждаться при их использовании.

Р. Рэй в книге “Constitutional myths: what we get wrong and how to get it right” называет в качестве наиболее распространенных восемь мифов: 1) создатели Конституции выступали против сильного федерального правительства; 2) создатели ненавидели налоги; 3) создатели были беспристрастными государственными деятелями, выше политики, ориентированной на интересы; 4) создатели руководствовались четкими принципами ограниченного правительства; 5) Дж. Мэдисон создал Конституцию; 6) “Записки федералиста” говорят нам, что на самом деле означает Конституция; 7) отцы-основатели дали нам Билль о правах; 8) раскрыв намерения создателей и то, как поколение основателей понимало текст, мы

¹⁴ Ray R. Constitutional myths: what we get wrong and how to get it right. New York, 2013. P. 1.

¹⁵ См.: Norchi C.H. The legal architecture of nation-building: An introduction // Maine Law Review. 2008. Vol. 60:2. P. 289.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 8.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 103.

можем определить, как должно применяться каждое положение Конституции¹⁶.

Благодушному подходу Рэя противостоят авторы, которые обращают внимание, что американские конституционные мифы явно исторического свойства приводят в современности к ложным и опасным иллюзиям американской исключительности. Среди других американских авторов жесткой манерой критики приторности американской конституционной мифологии выделяется Г. Эппс (*Garrett Epps*). Утверждая, что тем самым выступает против “потоков конституционной чепухи” (*flood of constitutional nonsense*), он дополняет перечень мифов следующими: 1) правы “оригиналисты”, все остальные – идиоты; 2) задача Конституции – ограничить Конгресс; 3) Конгресс исказил значение торговой власти и использовал ее для принятия явно неконституционных законов; 4) нет разделения церкви и государства; 5) равенство и самоуправление являются чуждыми Первой поправке; 6) Вторая поправка позволяет гражданам угрожать правительству; 7) Десятая поправка и суверенитет штатов позволяют отменить федеральный закон; 8) Четырнадцатая поправка была написана исключительно для освобождения рабов и сегодня не имеет значения; 9) выборы сенаторов несправедливы и вредны для штатов; 10) международное право – угроза Конституции¹⁷.

Дискуссии о конституционных мифах в американской правовой литературе носят очевидный прикладной характер. В частности, миф об искажении Конгрессом роли торговой власти обсуждается в контексте дискуссии о распределении полномочий между Конгрессом и президентом в регулировании внешней торговли, введения санкций против иностранных государств и компаний. Значение Четырнадцатой поправки (ввела предоставление гражданства любому лицу, родившемуся на территории США, и запрет на лишение прав иначе как по приговору суда) актуализируется в дебатах о судьбе Закона о защите пациентов и доступном здравоохранении (*Patient Protection and Affordable Care Act*), более известном как “*Obamacare*”.

Утверждающееся в США скептическое отношение к ведущим международным органи-

зациями (ООН, ЮНЕСКО), стремление распространить американскую судебную юрисдикцию за пределы США, весьма свободное отношение к принятым на себя международным обязательствам базируются на мифе, что международное право угрожает американскому конституционному строю, следовательно, оно должно быть изгнано из применения в судебной практике. Особо явно миф, что первородство американской Конституции освобождает США от каких-либо международных обязательств, противоречащих американским интересам, нашел отражение в позиции “неоконсерваторов”. “Неоконы” дополнили традиционный американский скептицизм в отношении эффективности международно-правовых актов и международных институтов философией нравственности американского вмешательства, “моральной гегемонии” и моральной ясности (*moral clarity*), утверждая миф об американской исключительности, предполагающей право США распространять американские ценности и действовать, не дожидаясь угроз¹⁸.

Следует отметить, что подход тех американских исследователей, которые позволяют себе дополнить анализ исторических, правовых и экономических явлений своего национального конституционализма критическими оценками или же даже сдобрить его некоей долей юмора, встречает ожесточенное противодействие авторов, исповедующих традицию высокого пафоса при соприкосновении с именем и текстом американской Конституции. От этого пафоса (применительно к анализу именно этого документа) были избавлены советские правоведы, посвятившие развенчиванию мифов американского конституционализма немало сил. Высокий уровень этой критики подтверждается принципиальным совпадением советских доводов с теми, которые излагались самими американскими авторами (за исключением, конечно, тезисов марксистско-ленинского дискурса).

Еще во время проведения Филадельфийского конвента и в период одобрения Конституции ратификационными конвентами штатов обозначились тезисы о недемократичности процедуры ее ратификации (к обсуждению текста Основного закона были допущено менее 3% населения штатов), о недопустимо-

¹⁶ См.: *Ray R. Op. cit. P.4.*

¹⁷ См.: *Epps G. Wrong and Dangerous: Ten Right Wing Myths about Our Constitution. New York, 2012. P. 15.*

¹⁸ См.: *Hodgson G. The Myth of American Exceptionalism. New Haven and London, 2009. P. 104.*

сти отсутствия в тексте конституции положения о правах и свободах человека. Особое удовольствие критикам американской Конституции доставляет неоспоримый факт: Конституция не отменила рабство, более того, специальным положением закреплялась невозможность отмены работорговли на протяжении последующих 20 лет.

И все же ключевое значение среди мифологем американского конституционализма имеет оценка степени централизации полномочий федерального правительства согласно Конституции США. Устоявшееся представление, что отцы-основатели выступали за ограниченные полномочия федерального правительства, не подтверждается логикой процесса создания США. Одним из первых решений Филадельфийского конвента стало осуждение Статей конфедерации, одобренных Континентальным конгрессом в 1777 г., согласно решению которого и был создан сам Филадельфийский конвент. Превысив свои полномочия, последний отверг принцип суверенитета штатов, закрепил сильное федеральное правительство, ввел федеральные налоги (чтобы было на что функционировать сильному федеральному правительству).

Какие мотивы лежали в основе выбора отцов-основателей американской Конституции в пользу или против той или иной социальной конструкции? Их поиск приводит к критике мифа о беспристрастности отцов-основателей, обусловленности их решений лишь требованиями высших конституционных материй. Тезис экономической ангажированности отцов-основателей восходит к работам Ч. Бирда¹⁹, среди которых советские низвергатели буржуазного конституционализма²⁰ особо выделяли “Экономическое истолкование Конституции Соединенных Штатов” (*“An Economic Interpretation of the Constitution of the United States”*). Ч. Бирд с истинно американской деловой дотошностью провел инвентаризацию бизнес-интересов всех 55 участников Филадельфийского конвента, работа которого завершилась подписанием американ-

ской Конституции²¹. В итоге Бирд обосновал весьма неприятный тезис, что каждый из них представлял интересы одной из четырех групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов²². Поэтому в Конституции США запрограммировано сильное федеральное правительство, среди важнейших задач которого — представление интересов финансового капитала и промышленных кругов.

Вряд ли кто-то посмеет отрицать, что любое правительство в истории призвано защищать экономические и финансовые интересы национального бизнес-сообщества. При этом с точки зрения обеспечения политической стабильности полезно задаваться вопросами о том, не вступает ли это правительственное призвание в противоречие с доктриной народного суверенитета, концептом общественного договора, ценностями разделения властей, открытости правительства и т.п. — всем тем, что предстает основными элементами конституционной мифологии.

“Относительно конституций существует множество общих убеждений и мифов, которые граждане воспринимают как должное”, — утверждает А. Марсиано²³, прежде всего посягая на краеугольный камень конституционного строительства — идею народного суверенитета. По мнению автора, само утверждение о том, что народ является источником власти, — конституционный миф, поскольку фактически граждане государства не вовлечены в процесс подготовки и написания конституции. Это утверждение можно считать маргинальным в череде высокопарных конституционных положений и философских размышлений о народном суверенитете. Конституция Японии в преамбуле декларирует принцип народного суверенитета “общим для всего человечества”: *“Государственная власть основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами ее пользуется народ. Это — принцип, общий для всего человечества, и на нем основана настоящая Конституция”*.

¹⁹ См.: Beard Ch. A. “Some Economic Origins of Jeffersonian Democracy”, *American Historical Review* (1914); *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States* (1913); *Economic Origins of Jeffersonian Democracy* (1915); *A Century of Progress* (1932); *The Myth of Rugged American Individualism* (1932).

²⁰ См.: Согрин В.В. Принятие Конституции США: мифы и реальность // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 41–57.

²¹ Председательствовал на конвенте Дж. Вашингтон, не принимали в нем участие двое отцов-основателей Т. Джефферсон и Дж. Адамс.

²² См.: Beard Ch. A. *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States*. New York, 1913. P. 324.

²³ Marciano A. Op. cit. P. 2, 4.

Рассуждая о народовласти, как правило, говорят лишь о правах народа, о народном суверенитете. Идея народного суверенитета – это теоретическая философская и правовая категория, которая находит свое практическое воплощение в целой системе конституционных институтов и механизмов. Народ – суверенный властитель только в пределах своего права, и только если народ действительно это право определяет, а не в случае, если это право навязывается ему какими-либо иными, непредставительными органами. Народа метафизического нет, как нет народа эмпирического – есть избирательный корпус, есть просто избиратели. Можно выявить волю избирательного корпуса в целом, волю конкретного избирателя, но практически невозможно выявить единую волю народа. Вместе с тем никакая часть народа не должна присваивать себе права суверенитета. Электорат – это только часть народа, его политически наиболее активная часть. Народный суверенитет находится и реализуется в рамках реального органического государства.

Применительно к процедурам принятия конституции принято говорить о “всенародном принятии”. Но что понимать здесь под “волей народа”? Какое содержание, например, вкладывается в формулировки “всенародно принятая конституция”, “воля народа”, “всенародная воля”? Существуют различные варианты формулировок, раскрывающие политологическое и юридическое понимание всенародности: квалифицированное большинство, простое большинство, подавляющее большинство. Однако все перечисленные формулы не снимают основного вопроса: “всенародно” – это сколько? Вариантом ответа в логике здравого смысла служит арифметическая формула: 50% + 1 голос от списочного состава имеющих право голоса. Но в таком случае в условиях массового абсентеизма очень сложно признать состоявшимися практически все выборы или референдумы.

Идея конституционного регулирования власти – сердцевина конституционных иллюзий. Из подобного рода иллюзий выводится значимый конституционный миф – принцип разделения властей, который является демократическим инструментом для ограничения осуществления государственных полномочий с целью сохранения свободы с помощью установления баланса между различными ветвями власти²⁴.

²⁴ См.: *Brewer-Carnas A.R. Global Values in the Venezuelan Constitution: Some Prioritizations and Several Incongruences // Toward a Universal Law for Humanity: Global Values and the Lessons and Challenges from National Constitutional Jurisprudence. New York, 2007. P. 33.*

Отцами-основателями теории разделения властей принято называть английского философа Дж. Локка и французского просветителя Ш. Монтескье, которые в конце XVII в. в Англии и в середине XVIII в. во Франции разработали основные положения этой теории. Учения о разделении власти на три ветви, каждая из которых должна быть, во-первых, относительно самостоятельной, а во-вторых, уравновешивать другие, оказали огромное влияние на всеобщую государственно-правовую практику. Это влияние отчетливо проявилось, например, в Конституции США 1787 г., во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и в других правовых актах. В частности, в ст. 16 Декларации записано: “Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции”.

Вопреки конституционной иллюзии о “разделении власти” это явление – не сущность государства, а его структура, форма взаимодействия элементов государственного механизма. Поэтому правильнее данный принцип называть не “разделение властей”, а “разделение власти”, исходя из его сущности. Однако в данном исследовании все же будем придерживаться устоявшейся терминологии.

Современное понимание этот принцип находит в законодательном закреплении следующих принципов: а) функционирование законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; б) равноправие всех ветвей власти, их самостоятельность и независимость друг от друга, но в рамках системы сдержек и противовесов; в) судебная власть должна быть наделена функциями конституционного контроля; г) разделение властей между как федеральными органами законодательной, исполнительной и судебной власти, так и федеральными органами и органами государственной власти субъектов Федерации.

О том, что принцип разделения властей является “конституционным мифом”, писали О.Х. Филлипс²⁵ и ряд других авторов. Ф.А. фон Хайек отмечал применительно к США, что “задуманное разделение власти... не удалось. Вместо этого в Соединенных Штатах сложилась система, весьма неблагоприятная для эффективного правления. Орга-

²⁵ Цит. по: *Masterman R. The Separation of Powers in the Contemporary Constitution: Judicial Competence and Independence in the United Kingdom. Cambridge, 2010. P. 10.*

низация и направление деятельности правительства были поделены между исполнительным и представительным собраниями. Две палаты избираются в разное время на основании разных принципов и часто расходятся во мнениях и враждуют”²⁶. Следует признать, что их аргументы, положенные в основу такой оценки, по крайней мере разумны и резонны, пусть и не бесспорны.

Разумеется, речь идет не об опровержении принципа разделения властей, а о некоторой необоснованности его чрезмерной идеализации и представления в качестве чуть ли не идеального и не единственно разумного принципа рациональной организации власти, т.е. весь вопрос в степени мифологизации.

Например, разделение властей, закрепленное в Конституции Венесуэлы, как указывает А. Бреввер-Кариас, направленное изначально на то, чтобы избежать сосредоточения власти у какого-либо одного органа, на самом деле искажено в указанном документе, поскольку Конституция все же позволяет своего рода перевес в сторону законодательной ветви власти, наделяя ее полномочиями не только назначать на должность, но и увольнять магистратов Верховного суда и глав органов исполнительной и гражданской ветвей власти таким образом, что в конечном счете это может осуществляться только по политическим мотивам²⁷.

Еще один из наиболее ярких конституционных мифов — утверждение о том, что существуют своего рода “хранители конституции”, и роль эта отведена верховным судам, поскольку, как показывает практика, такие суды далеко не всегда выступают в качестве независимых и беспристрастных защитников конституции²⁸.

К конституционной мифологии также относится, по мнению Л.С. Андекафлер, провозглашение некоторых личных прав, таких как свобода слова, свобода вероисповедания, право на частную собственность, право на

надлежащую правовую процедуру, как по своей природе абсолютных или практически абсолютных. Такая мифология действительно мощная, но при этом она сдерживается очевидной реальностью социальных интересов; идеи таких прав сами по себе являются социальными концепциями²⁹.

К числу конституционных мифов некоторые авторы также относят конституционный миф об отделенности религии от государства, поскольку религия все равно неотделимо участвует в формировании политики, законов и правовой идеологии современных государств³⁰. Из того же разряда — утверждения о равном отношении государства к религиям, поскольку в реальности в мире нет ни одного примера государства (исключая Северную Корею), где государство не выделяло бы одну или несколько религий в смысле предпочтительности³¹. В то же время к мифологии можно отнести атрибутирование идеологиям атеизма, дарвинизма, гуманизма и прочих “измов” характеристики “светский”, притом что к светскости таковые не имеют никакого отношения вообще³².

Наиболее устойчивым и активно тиражируемым мифом, распространенным среди юристов, экономистов или политологов, пишет А. Марсиано, выступает утверждение о том, что конституция представляет собой “общественный договор”. Такая точка зрения подразумевает, что конституция принадлежит гражданам государства, поскольку они дали на нее согласие и таким образом согласились с ее положениями и приняли ее правила социальной игры. В качестве основной и непосредственной критики в отношении данного мифа является тот факт, что никогда никто не подписывал никаких общественных договоров. Человеческие существа всегда жили в социальных, а значит, организованных группах, а конфликтное состояние их характеров — это всего лишь метафора. Фактически же никогда ни один гражданин не соглашался непосред-

²⁶ Хайек Ф.А. фон Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М., 2006. С. 427.

²⁷ См.: Brewer-Carnas A.R. Global Values in the Venezuelan Constitution: Some Prioritizations and Several Incongruences // *Toward a Universal Law for Humanity: Global Values and the Lessons Challenges from National Constitutional Jurisprudence*. New York, 2007. P. 34.

²⁸ См.: Marciiano A. Op. cit. P. 5, 6.

²⁹ См.: Underkuffler L.S. Property as Constitutional Myth: Utilities and Dangers. 2007. P. 10. URL: <https://www.lse.ac.uk/collections/law/projects/techniquesofownership/tech-underkuffler.pdf>

³⁰ См.: Law and Religion / ed. by G. Barzilai. Aldershot, 2007. P. XII.

³¹ См.: Понкин И.В. Современное светское государство. М., 2006.

³² См.: Ellis A. Are Capitalism, Objectivism, And Libertarianism Religions? Yes! Greenspan And Ayn Rand Debunked. Б/м, 2007.

ственно на то, чтобы конституция как-то ограничивала его деятельность³³.

Такая идея – фикция, обоснованно указывает Р. Дж. Холкомб, также и потому, что основой деятельности органов публичной власти государства в реальности все-таки является принуждение, но никак не договор. Конечно, есть социальные нормы, которые можно рассматривать как результат и выражение общественного договора, и люди, которые нарушают эти социальные нормы, могут подвергнуться таким санкциям, как исключение их из социальных групп, оказание общественного давления, отказ от экономических отношений с ними и т.д. Эти примеры реального поведения в реальной социальной ситуации. Конституционный же договор, рассматриваемый в гипотетическом смысле общественного договора, есть фикция, поскольку в действительности подразумевает легитимность принуждения, реализуемого публичной властью, такой гипотетический подход не основан на реальном поведении и не в ладах с реальностью деятельности правительства³⁴.

Л.С. Андекафлер отмечает, что мифология конституционных прав вообще наиболее сильна в тех областях, где она является наиболее непригодной³⁵. Теории народного суверенитета и общественного договора с неизбежностью привели к размышлениям о вовлеченности граждан в политический процесс. Изначально речь шла о расширении участников избирательного процесса, прежде всего посредством снятия цензов и ограничений. Миф о всеобщем избирательном праве на протяжении всей своей истории сталкивается с сотнями цензов и ограничений.

Когда избирательные права были предоставлены жителям Новой Зеландии и Австралии (1893 и 1902 гг. соответственно), даже когда одной из первых в Европе этот эксперимент провела Российская Империя на территории Великого княжества Финляндского, можно было рассчитывать на доводы французского премьера Ж. Клемансо: “Одной поборнице равноправия полов, запросившей его в 1913 г., стоит ли он за предоставление женщинам избирательного права, он невозмутимо ответил, что, по его мнению, гораздо лучше осуществить равноправие, отняв

избирательное право и у большинства мужчин”³⁶. Но когда после повторного референдума (на первом – в 1959 г. большинство граждан (мужчин) Швейцарии высказались против избирательного права для женщин) в 1971 г. женщины получили избирательные права даже в Швейцарии, стало ясно, что процесс не остановить. В XXI в. избирательные права женщинам предоставили Кувейт (2005), Объединенные Арабские Эмираты (2006), Саудовская Аравия (2011). Любопытно, что даже при отказе женщинам в избирательных правах все упомянутые страны утверждали, что их избирательное право является всеобщим.

Своеобразной мезью швейцарским мужчинам за их поведение на референдуме 1959 г. стали не только регулярная констатация в тексте конституции факта, что граждане Швейцарии принадлежат к двум различным полам – мужчинам и женщинам (такая констатация сохранилась и в предыдущей Конституции страны 1874 г.), но и джентельменское упоминание первыми “швейцарок”, а затем уже “швейцарцев”, что представляет собой несомненную новеллу швейцарского (и не только) конституционного законодательства.

Преобладающей иллюзией современных демократических режимов является дискуссия о степени открытости власти. Что народ имеет право знать и что он имеет право не знать. Квинтэссенцию дискуссии представляет диалог в первой серии знаменитого сериала ВВС (1980–1984) (впоследствии сериал превратился в книгу авторов Дж. Линна и Э. Джей) “Да, господин министр”. Серия получила название, которое в качестве символа иллюзий используется во многих странах мира, – “Открытое правительство”. Приведем выдержки из диалога двух помощников министра – Арнольда и Бернарда: *«Мы хотим назвать Белую книгу “Открытое правительство” только потому, что трудную проблему легче всего обойти, поставив ее в заголовок. Там она никому не мешает. Во всяком случае, закон обратной зависимости гласит: чем меньше человек собирается сделать, тем больше он должен об этом говорить...»*³⁷.

Попытка сформировать иллюзию открытости власти – первый шаг любого правительства, когда речь заходит о получении под-

³³ См.: *Marciano A.* Op. cit. P. 2.

³⁴ См.: *Holcombe R.G.* Consensor Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract // *Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State* / ed. by A. Marciano. P. 22.

³⁵ См.: *Underkuffler L.S.* Op. cit. P. 16.

³⁶ *Алданов М.А. [Ландау М.А.]* Два этюда: 1. Эрих Людендорф. 2. Жорж Клемансо // *Современные записки.* Кн. V. 1921. С. 169.

³⁷ *Линн Дж., Джей Эн.* Да, господин министр. М., 1989. С. 152.

держки населения в деле реформы системы государственного управления. Подобный миф не мог не найти своего отражения в конституционной идеологии, ведь именно во имя обеспечения упорядоченности управления и движения к справедливости возникла и развивалась сама идея конституционализма.

Возникновение и судьба конституционных иллюзий в России

Понятие “конституционные иллюзии” в отечественном государствоведении тесно связано с одноименной статьей В.И. Ленина, опубликованной в газете “Рабочий и солдат” 4 и 5 августа революционного 1917 г. Впоследствии Ленин в своих работах многократно использовал лексическую конструкцию “конституционные иллюзии”. Более того, сделал заключение, в актуальность которого хотелось бы верить и по сей день, обратив внимание на то, что “чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями”. Далее с присущим ему цинизмом Ленин низводит конституционные иллюзии с трона мечтаний о светлом будущем к близорукости при характеристике существующих режимов: *«Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный, правовой, упорядоченный, подзаконный, короче: “конституционный” порядок, хотя его в действительности не существует»*³⁸.

Преследуя конкретные политические задачи, потенциальный вождь не смог подняться до уровня осознания конституционных надежд М.Е. Салтыковым-Щедриным³⁹, в итоге конституционные иллюзии были сведены к трем актуальным для лета 1917 г. задачам. Если со значимостью первой конституционной иллюзии лета 1917 г., под которой понималось представление, что Россия переживает канун Учредительного собрания, “поэтому все происходящее теперь имеет временный, преходящий, не очень существенный, не решающий характер, все будет скоро пересмотрено и окончательно установлено Учредительным собранием”, еще можно согласиться, то две остальные иллюзии спустя почти столетие вызывают недоумение своими

скромными масштабами. Вряд ли на уровень конституционных иллюзий могло реально претендовать признание роли известных партий (эсеры или меньшевики) или переживание, является ли закрытие газеты “Правда” эпизодом, случайным явлением или действительно важным событием для общественных настроений⁴⁰.

Разрушив конституционную иллюзию Учредительного собрания, В.И. Ленин заложил основы куда более масштабных конституционных иллюзий, которые нашли свое закрепление в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.).

Наличие конституционных иллюзий в основных законах страны предопределяется положением, что конституции призваны включать в себя нормы программного характера (нормы-цели). Эти нормы содержат положения о перспективах развития государства, нормативно закрепляют их, придают им обязательный характер. Нормы-цели и нормы-программы были сравнительно широко представлены в конституциях социалистических и некоторых развивающихся стран, именно в них, как правило, давались установки на строительство социализма и коммунизма. Представление о конституции как о документе, правовым путем фиксирующем “образ будущего” для страны, обуславливает закрепление в нем фиктивных положений, к которым государство и общество лишь стремятся.

Миф об Октябрьской революции приобретает конституционный характер позднее, при закреплении преамбулой Конституции СССР 1977 г. Определяемая в качестве примера “нормы – исторической справки”, по сути, она закрепляет устоявшийся конституционный миф. При современном прочтении многие утверждения преамбулы Конституции СССР 1977 г. вызывают исторические дискуссии. Имеет неоднозначные трактовки, например, само определение “Великая Октябрьская социалистическая революция” (немало историков, не отрицая масштабности как созидательных, так и разрушительных ее последствий, обосновывают, что в момент своего свершения речь шла скорее о попытке “государственного переворота”, именно так, дополнив эту характеристику эпитетом “безумная”, оценила свершившееся крупнейшая на то время российская партия – партия социа-

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 134. С. 33.

³⁹ См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М., 1971.

⁴⁰ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 134. С. 33.

листов-революционеров), вызывает сомнения ведущая роль Коммунистической партии в ее организации. История не подтвердила и уверенности, что “Советская власть покончила с классовыми антагонизмами и национальной враждой”. Если что-то и не подвергается сомнению из преамбулы последней советской Конституции, так это “немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне”.

Следует отметить, что все сомнения в правдивости тезисов, содержащихся в преамбуле Конституции СССР, были озвучены отечественными историками и правоведами лишь после отмены действия ст. 70 “Антисоветская агитация и пропаганда” УК РСФСР 1964 г.

Продолжение традиции представления в преамбуле конституции емкого видения истории развития государства и норм программного характера, задающих направленность последующего развития, демонстрирует Конституция Китайской Народной Республики 1982 г. (в ред. 2018 г.). Несмотря на относительную лаконичность самого текста Основного закона, его пространная преамбула содержит упоминание основных социалистических тезисов, в том числе продолжающих советские конституционные мифы и иллюзии.

Конституционные иллюзии Французской революции нашли отражение в нормативном символе, содержащемся в ст. 2 Конституции Франции о девизе этой республики: “Свобода, Равенство, Братство”.

Набившим оскомину примером подмены конституционной иллюзии конституционным мифом стала легенда о лозунге восстания декабристов 14 декабря 1825 г. “Хотим Конститутина и жену его Конституцию!”. Если поверить в достоверность этой исторической байки, подобный лозунг был обусловлен стремлением организаций будущих декабристов привести идею конституции из проектов Н. Муравьева и “Русской правды” П. Пестеля в массы, пусть и таким неправдивым образом.

Активизировавшиеся с началом эпохи современного российского конституционализма поиски конституционных идей в российской истории нельзя признать безуспешными: элементы конституционных начал находят в крестоцеловальных записях В. Шуйского и М. Романова, в “кондициях” Анны

Иоанновны 1730 г. Конституционные иллюзии волновали автора “Недоросля” Д.И. Фонвизина (в его изложении до нас дошел проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах (ориентировочно 1783 г.) и графа М.М. Сперанского, которому принадлежат записки “Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России”, “О духе правительства” и “Об образе правления” (1804)⁴¹.

В научных статьях и публицистике встречаются забавные суждения о древних истоках русского конституционализма, который декларируется в качестве “неотъемлемого элемента бытия русского народа”: “Становление отечественного конституционализма началось в IX веке с появлением Киевской Руси... и было тесно связано с особенностями формирования российской государственности и правосознания”⁴². К чести российских конституционалистов подобные изыскания не обрели сколь-нибудь существенной поддержки. Справедливости ради, признавая неоспоримые достижения отечественной (русской и советской) теории конституционного права, интереснейший опыт и вклад отечественной доктрины и практики конституционализма в мировой конституционный процесс, нельзя исключать того неоспоримого факта, что первое тысячелетие своей истории русский народ и Российское государство прожили в радостях и горестях, победах и поражениях, приобретениях и утратах, но, так уж сложилось, все это свершилось без писаной конституции. Сама идея конституционного обустройства государственной жизни прорастала через века неприятия, сомнений, краха иллюзий.

В русской литературе, роль которой для российской национальной идентичности можно сравнить с ролью немецкой философии для немцев и французской политической мысли для французов, идея конституции либо не упоминается вообще, либо упоминается в снисходительно-сатирическом тоне. В произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского,

⁴¹ См.: Медушевский А.Н. (сост.) Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 81.

⁴² Корецкая Т.П. Становление российского конституционализма // Вестник Омск. ун-та. Сер. “Право”. 2013. № 3. С. 49–56.

Л.Н. Толстого, А.П. Чехова⁴³ само понятие “конституция” практически не встречается (*по крайней мере не встретилось мне*).

Вся история российского конституционализма — это история самооправдания ее сторонников, что конституционная мысль не угрожает российской государственности, ценностям и устоям русского народа. Влиятельнейшие государственные мужи различных эпох российской истории, представляя свои конституционные предположения: проекты П.И. Шувалова (1754), Н.И. Панина (1762–1784), С.Е. Десницкого (1768), А.А. Безбородко (1799), М.М. Сперанского (1804–1809), Н.Н. Новосильцева (1820), П.А. Валуева и М.Т. Лорис-Меликова (1863–1881), С.Ю. Витте (1905), — отрицали саму возможность их определения в качестве конституционных. Столь сильна была екатерининская традиция страха перед символами Французской революции.

Присутствие тени Французской революции спустя век после ее свершения на политические дискуссии о введении конституционных элементов в России подтверждается обсуждением “всепопданнейшего доклада М.Т. Лорис-Меликова 6 марта 1881 года” “о привлечении представителей населения к законодательной деятельности”⁴⁴.

Понятие “конституция” не вошло в общественный оборот и с наступлением XX в. Не столь важно, сколь правдив миф о подписании первого в отечественной истории конституционного акта под дулом пистолета: дядя Николая II великий князь Николай Николаевич вошел в кабинет императора с текстом Манифеста в одной руке и револьвером в другой и угрозой “пустить себе пулю в лоб” добился 17 октября 1905 г. подписи императора под Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка. Ни один из двух присутствовавших при положенной в основу мифа истории не прокомментировал ее в своих мемуа-

рах. Ощущение от прочтения дневника императора не поддерживает веру в эту легенду. Но нельзя отрицать элемента мистики в избрании даты для подписания Манифеста — это была 17-я годовщина крушения императорского поезда под Харьковом и чудесного спасения венценосной семьи 17 октября 1988 г. Трудно сказать, в позитивном или негативном контексте воспринимал император подобное совпадение, которое, судя по дневнику⁴⁵, не осталось вне его внимания.

Как бы то ни было, широко распространенным является озвученное председателем Совета министров в этот период С.Ю. Витте убеждение: “*Николай II никогда бы не подписал октябрьского манифеста, если бы на этом не настоял великий князь Николай Николаевич*”. Октябрьский манифест стал первым актом ограничения самодержавной власти, а вместе с предшествовавшим ему Манифестом об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 г. и последовавшим за ним Манифестом о переустройстве Государственного Совета от 20 февраля 1906 г. выступил основанием для признания Основных государственных законов Российской империи (в ред. от 23.04.1906 г.) (далее — Основные государственные законы) первой Конституцией России. Причем такое признание обусловлено не столько самим фактом ограничения самодержавной власти, сколько анализом общественных отношений, которые были урегулированы этим актом.

Классическим пониманием предмета конституционного права охватываются четыре блока общественных отношений: “суверенитет”, “собственность”, “свобода”, “власть”. Рассмотрение в этом ракурсе содержания Основных государственных законов приводит к признанию, что документ регламентирует требуемый для присвоения акту статуса конституционного вида общественных отношений: вопросы суверенитета.

Можно утверждать, что именно Основные государственные законы выступили источником для формирования в стране конституционных ценностей, конституционной мифологии и породили конституционные иллюзии в различных слоях российского общества⁴⁶,

⁴³ Наиболее проконституционно настроенным среди великих русских писателей можно признать А.П. Чехова. Говоря, что в России будет конституция, Чехов добавляет: “Это верно, как после вторника среда” (цит. по: *Громов М.П., Долотова Л.М., Катаев В.Б. и др.* Примечания // *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 10. Рассказы, повести. 1898–1903. М., 1977. С. 331–488).

⁴⁴ *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883) / сост. и науч. ред. А.А. Бельх. М., 2018. С. 143–168; *Бельх А.А., Мау В.А.* Что произошло в России 8 марта 1881 года. Вступительная статья // *Перетц Е.А.* Указ. соч. С. 35.

⁴⁵ См.: Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисл. К.Ф. Шаццлло. М., 1991. С. 285.

⁴⁶ Следует согласиться с оценкой В.И. Ленина ситуации 1917 г., что “*весь гвоздь всего современного политического положения в России состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями. Нельзя ровно ничего понять в современном политическом поло-*

в том числе и у портного Исроела, который свою убежденность в спасительную для России роль “настоящей конституции” выразил в своем письме другу в Америку⁴⁷.

Еще более наглядно характеризует отношение к возможностям конституционного преобразования России в начале XX в. анализ политических сил, которые декларировали приверженность конституционным идеям. Прежде всего речь идет о созданной в июле 1905 г. Конституционно-демократической партии.

В.И. Ленин в работе “Победа кадетов и задачи рабочей партии” был вынужден дать трансформированному политическому режиму характеристику “конституционное самодержавие”⁴⁸, запустив в оборот различные аллегории о “конституционных костюмах самодержавия”⁴⁹

жени России, не поняв этого. Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России, не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы” (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34: Июль – октябрь 1917. С. 33).

⁴⁷ См.: Шолом-Алейхем. Новостей никаких... // Шолом-Алейхем. Тевье-Молочник. Повести и рассказы / пер с евр. М., 1969. С. 438, 439.

⁴⁸ Развивая ленинскую формулу, советские авторы отмечали, что “специфической функцией конституционного самодержавия объективно оказалось создание и распространение конституционных иллюзий” (см.: Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 290).

⁴⁹ Подобные аллегории применяются до сих пор. См., напр.: Зінченко О.В. Основні державні закони Російської Імперії 1906 р. – конституція чи “конституційний ко-

и определение Основных государственных законов как “кадетской конституции”⁵⁰.

Партия кадетов, в состав центрального комитета которой входили ведущие юристы, составившие цвет российской правовой науки (М.М. Винавер, И.В. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин, В.А. Маклаков, М.Л. Мандельштам, С.А. Муромцев, В.Д. Набоков, Л.И. Петражицкий, И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, П.Б. Струве, Н.В. Тесленко и Г.Ф. Шершеневич), очень быстро осознала, что для большинства населения страны малопонятными остаются как сами понятия “конституция” и “демократия”, так и их объединение в названии партии “конституционно-демократическая”. Уже на II съезде партии название партии было обогащено понятиями русского происхождения – Партия Народной Свободы.

Ведущие юридические умы России, основоположники отечественного конституционного права не смогли донести свои подходы и идеи до широких масс избирателей. Партия кадетов даже с вывеской “народной свободы” так и осталась партией интеллигенции и либерального дворянства. Перед маховиком большевизма не устояли ни партия кадетов, обладавшая рядом ключевых постов во Временном правительстве, ни сама идея конституционной демократии.

стем” самодержавства? // Проблеми законності: акад. зб. наук. пр. Вип. 114. Харків, 2011.

⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 60.

CONSTITUTIONAL MYTHOLOGY: ORIGINATION, PURPOSE AND PRACTICE OF APPLICATION (PART 1)

© 2018 I. N. Bartsits

*The Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration*

E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Received 26.06.2018

This article provides insight into the essence, content and destiny of constitutional myths and illusions as “load-bearing elements” of constitutional order, government system and political regime. Special attention is paid to the analysis of individual constitutional myths and illusions, such as the doctrine of the sovereignty of the people, concept of social contract, nation-wide referendum, values of separation of powers, open government, etc., as well as examples of their embodiment in the Constitutions of Russia, China, the USA, France, Venezuela, Kazakhstan, Armenia, Ukraine, etc. The author has identified key differences between the constitutional myths and constitutional illusions, including their sources, importance to the constitutional ideology, opposite temporal orientation, etc. He also substantiated the conclusion that the modern constitutional doctrine, because of its pragmatic nature and exclusive political focus, is designed to pursue practical political purposes, prevents the advent of new myths, and facilitates the dying out of constitutional illusions in the modern era.

Key words: Constitution, constitutional myths, constitutional illusions, social contract, sovereignty of the people.